

ЖЕНСКИЙ ОПЫТ ВОЙНЫ: ОККУПАЦИЯ, ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД, СТИГМА ОСТАРБАЙТЕРКИ

Е.Ю. Рождественская, В.В. Семенова

Аннотация. В фокусе статьи находятся женские судьбы и нарративы советских остарбайтерок. На основе биографических интервью с женщинами, угнанными в Германию годы Великой Отечественной войны на принудительный труд с оккупированных территорий, женщинами-военнообязанными, попавшими в плен, а также с женщинами, которые были вынуждены работать в оккупации, реконструируется опыт депортации, подневольного труда и повседневности. Предметом вербализации в коллекции интервью становятся довоенная пора, подневольный труд детей и женщин, на производстве и на селе, характер коммуникации и эмоций в трудовом лагере, дилеммы выживания в оккупации, стигматизация по возвращении остарбайтерок домой. Отдельной, сложной, иногда замалчиваемой темой стали сюжеты сексуальности. В статье описывается типология реконструированных биографических стратегий остарбайтерок, с помощью которых женщины пытались нормализовать свой жизненный путь, а также нарративные способы вербализации этих стратегий.

Ключевые слова: остарбайтеры, депортация, принудительный труд, женский опыт, повседневность, биографическое интервью.

Рождественская Елена Юрьевна, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, erozhdestvenskaya@hse.ru.

Семенова Виктория Владимировна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, victoria-sem@yandex.ru.

WOMEN'S WAR EXPERIENCE: OCCUPATION, FORCED LABOR, OSTARBEITER STIGMA

E.Yu. Rozhdestvenskaya, V.V. Semenova

Abstract. The article focuses on women's biographies and the narratives of Soviet women-Ostarbeiter. The experience of deportation, forced labor and everyday life is reconstructed on the basis of biographical interviews with women deported for forced labor from the occupied territories, women in military service who were taken prisoner, as well as women who were forced to work during the occupation. The subject of verbalization in the collection of interviews is the pre-war period, the forced labor of children and women at work and in the countryside, silent stories of sexuality, the nature of communication and emotions in the labor camp, the dilemmas of survival in the occupation, stigmatization of Ostarbeiters at home upon the return. The article describes the typology of the reconstructed biographical strategies of the Ostarbeiter women with the help of which they tried to normalize their life path and the narrative ways of verbalizing it.

Keywords: Ostarbeiters, deportation, forced labor, female experience, everyday life, biographical interview.

Rozhdestvenskaya Elena Yu., Doctor of Science (Sociology), Professor, National Research University "Higher School of Economics", 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia, erozhdestvenskaya@hse.ru.

Semenova Viktoriya V., Doctor of Science (Sociology), Chief Researcher, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia, victoria-sem@yandex.ru.

ВВЕДЕНИЕ

Участие советских женщин в Отечественной войне было широкомасштабным. Большая их часть в качестве гражданского населения оккупированных прифронтовых областей была втянута в военный конфликт через принудительную трудовую мобилизацию, а также через организацию партизанского движения. Призванные в армию и участвовавшие в боевых действиях женщины по официальной статистике составляли 800 000 чел. В партизанских соединениях на оккупированных территориях количество женщин достигало 9,8% что составляло примерно 28 500 чел. [Füerst, 2000]. Колоссальные потери советских войск на начальном этапе войны привели к тому, что в 1942 г. в СССР была проведена массовая мобилизация женщин на службу в действующую армию и в тыловые соединения¹. Несмотря на беспрецедентные масштабы вовлеченности женщин в военные действия, историография их участия в войне остается во многом ненаписанной. Это касается не столько героического опыта женщин, воевавших в Красной армии, сколько опыта военной повседневности, не вошедшего в официальный дискурс о войне. Как полагает исследовательница О. Никонова [Никонова, 2005], проблема женского участия в Великой Отечественной войне из перформативной акции – попытки сделать «невидимых солдат» мировой войны видимыми – постепенно смещается на историю женского опыта войны, изучение женских моделей памяти о войне и государственной политики по отношению к женскому военному прошлому, на проблему конструкции и деконструкции женских военных образов, анализ особенностей женской военной психологии и женского поведения [Шайде, 2004; Füerst, 2000].

Бесценным источником заполнения пробелов в истории женщин на войне является устная история, тем более что информантов – участниц и свидетельниц событий – с каждым годом остается все меньше. В рамках проекта «Принудительный и рабский труд» нас интересовали женские судьбы и нарративы нескольких категорий женщин. Прежде всего, мы различаем три основных категории женщин на войне: женщины, представительницы гражданского населения, угнанные на принудительные работы с оккупированных территорий, женщины-военнообязанные, попавшие в плен и вынужденные работать на принудительных работах, а также женщины, которые вынуждены были работать в оккупации. Содержанием их труда мог стать труд на производстве, строительстве, в сельском хозяйстве и на территории лагеря. Большая часть интервью была проведена в г. Пскове².

¹ По мобилизации ЦК ВЛКСМ на военную службу были призваны около 500 000 девушек, 70% которых служили в действующей армии [Мурманцева, 1974, с. 123].

² В силу своего пограничного расположения (граничит с Эстонией и Латвией на западе и Беларусией – на юге), Псковская область была оккупирована вскоре после начала войны – 9 июля 1941 года, оккупация длилась до 22 июля 1944 г. Если по оценке историка П. Поляна, общее количество «восточных рабочих», вывезенных Германией и ее союзниками из СССР (в границах до 1939 г.), составило около 3,2 миллиона чел. [Поляна, 2002b], то из Псковской области, по данным гражданской комиссии учета жертв злодеяний немцев на территории СССР на 01.03.1946 г., на принудительные работы было угнано 150 тыс. человек. [ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 116, д. 2466]. На 1 марта 2000 г. на территории Псковской области проживало 29 350 бывших узников фашистских концлагерей.

Методологический подход, реализованный в исследовании, – качественная социология, фокусом которой является субъективные смыслы пережитого опыта. Поэтому в целях реконструкции пережитого, воспроизводимого так, «как это складывалось», мы воспользовались методом биографического нарративного интервью в версии Ф. Шютце [подробнее об этом: Рождественская, 2012]. Биографические интервью с респондентками, угнанными на работу в Германию и пережившими тяготы подневольного труда, дают возможность рассмотреть ситуацию долговременного отдаленного эффекта травматического опыта на уровне индивидуальной памяти отдельных женщин. Методически интервью были проведены в режиме нарративного свободного рассказа с последующим транскрибированием. Перед интервью рассказчицы подписывали форму согласия, выбирали меру анонимности и заполняли анкету с хронологическим перечислением событий жизни, временем и местом депортации, последовательности перемещений в Германии, датой освобождения и последующей судьбой по возвращении на родину. В целом, было проведено около 30 интервью с мужчинами и женщинами, но для целей данной статьи использованы только женские нарративы. Рекрутирование для интервьюирования было осуществлено при любезной поддержке «Союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей», на момент исследования возглавляемого Г.Н. Кожевниковым.

Структура данного текста построена следующим образом: вначале мы концептуально очертим связь гендера и войны, гендеризованного опыта переживаний и дискурса воспоминаний, а затем в эмпирической части реконструируем женский опыт угнанных в Германию на принудительный труд в нескольких аспектах – старта депортаций, подневольного труда детей и женщин, истории остарбайтерок на производстве и в трудовом лагере. Далее, мы опишем опыт женщин-военнопленных и представительниц гражданского населения на оккупированных территориях, вплоть до возвращения остарбайтерок домой. В заключение выстроена типология реконструированных биографических стратегий остарбайтерок, с помощью которых они пытались нормализовать свой жизненный путь и описаны нарративные способы его вербализации.

ГЕНДЕР И ВОЙНА В ДИСКУРСЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Гендерный аспект войны – относительно новая тема в war-studies. Как пишут Н.М. Уингфилд и М. Букур: «Литература о мировых войнах до сих пор фокусировалась почти исключительно по традиционным военно-дипломатическим темам. Только недавно историки регионов Центральной и Восточной Европы стали обращать внимание на культурные и социальные аспекты войны, и гендерный анализ остается маргинальным и в этой новой тенденции» [Wingfield, Bucur, 2006, p. 2]. Экстремальная ситуация войны повлияла на ценности и нормы, которые сами по себе всегда гендерны, а во время войны стали к тому же глубоко эрозированы.

Исследовательницы гендерного аспекта войны М. Регер и Р. Лейзеровиц, суммируя особенности описания гендерных аспектов войны в Восточной Европе, отмечают, что, во-первых, упоминаются, прежде всего, демографические последствия, особенно дисбаланс полов как долгосрочное эхо войны в Советском Союзе. Во-вторых, описывается трудовая мобилизация женщин и связанные с ней идеологические, экономические и политические особенности системы в СССР в отличие от Западной Европы, где нехватка рабочей силы компенсировалась за счет найма мигрантов. В советской идеологической системе женщины парадоксально считались равными, но не рассматривались как равные. В-третьих, рассматривались ценности и их гендерные компоненты, которые были поколеблены во время войны [Roeger, Leiserowitz, 2012].

Гендер как одна из важных категорий социальной истории редко применяется к теме войны. Тому может быть несколько причин. Во многих странах Центральной и Восточной Европы, новые нарративы о Второй мировой войне, написанные после 1990-х годов, были направлены на то, чтобы рассказать этно-патриотическую историю, историю единой нации. Эти истории тесно связаны с образами и повествованиями довоенной истории. Но концептуальные ресурсы гендерной истории как делиберативного направления, сосредоточенные на конкретных практиках военного времени, применялись не часто. Во-вторых, редкое применение микроисторических гендерных подходов к истории войны в Центральной и Восточной Европе сопровождалось недооценкой субъективных историографических источников – мемуаров устной истории и других форм индивидуальной и групповой памяти, которые являются основой для анализа гендерных ролей, менталитетов, гендерных ценностей, повседневности и т.д.

Но постепенно в научный оборот стало вовлекаться больше гендеризованной персональной информации через устные интервью. За последние лет двадцать укоренилось понимание важности категории гендера при изучении опыта повседневности на войне – во время военных действий, в оккупации, внутри и вне гетто и лагерей – а также, при обращении собственно к процессам меморизации и последующей коммеморации.

Гендерные аспекты Второй мировой войны и ее последствий в Центральной и Восточной Европе можно концептуализировать в основном по двум направлениям, как это предлагают М. Регер и Р. Лейзеровиц [Roeger, Leiserowitz, 2012, p. 28–29]. Во-первых, в отношении ценностей и социальных норм и ролевых моделей, которые сами по себе имеют гендерный характер. Война инициировала и ускорила динамику гендерных ролей, существенно изменив прежние гендерные роли, война создала хаос и обесценила прежние формы социального контроля за гендерными нормами. Но в то же время некоторые воевавшие женщины смогли обратить военный опыт в социальный капитал: так, в болгарском военном проекте исследователи приходят к выводу, что женщины, воевавшие во Второй мировой войне, использовали этот символический капитал, чтобы продолжить свое образование и добиться успеха в политической и профессиональной карьере [Nazarska, Yavashchev, 2012]. Общим для контекста послевоенной Восточной Европы можно назвать то, что «мужская

работа» и «женская работа» утрачивали свои различия по мере развития хода войны, хотя на уровне официального дискурса эти сферы все еще были разделены. Во-вторых, новеллой стало и вовлечение в анализ повседневности войны проблематики гендеризованного телесного опыта. Опыт тела в экстремальных условиях, соответственно, и связанные с ним переживания являются повторяющейся темой. Отдельно здесь присутствует также гендерный опыт насилия.

Гендерные исследователи также подчеркивают, что сама память о войне также имеет гендерную специфику. Она состоит в общих особенностях женского нарратива: женщины вспоминают войну не только как героический нарратив о лишениях и страданиях (что можно отнести к власти гранд-нарратива о войне), но и как повседневность, наполненную переживаниями, эмоциями, деталями (рассказы строятся скорее как воспоминания о переживаниях, чем об отдельных событиях); то, что они проговаривают, не входит в публичный гендерный дискурс военного и послевоенного времени, поэтому об этом женском опыте войны предпочитают умалчивать. Наконец, нарративы передают динамику травматичного опыта от латентных форм переживания, фигур умолчания к частичному их проговариванию и далее, к дискурсивной детализации пережитого. И, наконец, нарративы передают травматический опыт в терминах индивидуальности на общем биографическом континууме прошлого-настоящего-будущего [Reading, 2002].

Эта гендеризованная память женщин, переживших опыт принудительного труда, особенно интересна в социально-культурном контексте России, где в публичном дискурсе господствовало резко враждебное отношение к пленным и угнанным на принудительные работы и, как следствие, царило умолчание о биографическом опыте принудительного труда в Германии. Люди оставались наедине со своими прошлыми переживаниями и хранили молчание даже в кругу самых близких людей фактически на протяжении всей своей последующей жизни. Поэтому подавляющее большинство рассказчиц оживляли события прошлой травмы в принципиально новом смысловом контексте, с иным, реабилитирующим их опыт отношением. В публичном дискурсе России о проблеме угнанных на трудовые работы в Германию заговорили после начавшейся международной кампании по выплате компенсаций в 2000-х гг. Это не могло не отразиться на способе рассказывания о пережитом, фигурах умолчания и других нарративных моделях, проливающих свет на культуру памяти, существовавшую вне официального дискурса о войне.

МЕМОРАТЫ ОСТАРБАЙТЕРОК

Для большинства наших респонденток детальные нарративы о жизни начинались с момента начала войны, (они обычно начинались словами «а потом началась война»), поскольку именно с этих переживаний жизнь начинала раскручиваться в иной траектории, что и осталось центральным моментом биографической памяти людей того поколения.

ЖЕНСКИЙ ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ТРУД В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В женских нарративах в отдельную группу были выделены те, кто имел опыт детского труда в трудовых лагерях. Эти дети от 6 до 12 лет не использовались на принудительных работах в промышленности или строительстве, куда отправляли их родителей, но оставались в лагере или привлекались к надомному труду в семьях лагерных надзирателей или на ферме, где выполняли функции няnek по уходу за детьми. В историографии Второй мировой войны считается, что труд на частной ферме не был связан со страданиями, аналогичными подневольному труду в лагере, поскольку на ферме образ жизни был более свободным.

Обычно в лагерь приезжали представители немецких семей и отбирали себе физически сильных работников. Матерей с ребенком отбирали тогда, когда в семье нужна была нянька. Нанимательницей становилась хозяйка, поскольку хозяин фермы был на фронте или на службе. Непременным атрибутом в памяти респонденток, по-видимому, вследствие детских страхов, стала «хозяйка с автоматом», который мог выстрелить в любой момент. Из рассказа Е.А. Мур-ой (1935 г.р., рассказчице в это время было семь-восемь лет) следует, что воспоминания о жизни на ферме стали самым страшным воспоминанием детства, даже по сравнению с распределительным трудовым лагерем Штропен, где мать работала на строительстве железной дороги и расчистке леса, а дочь с другими детьми оставалась в лагере.

Здесь мать работала на ферме и по хозяйству, девочка стала нянькой для хозяйского ребенка. На ферме было около 20 других работников разных национальностей, которые жили в бараке под охраной. Респондентка вспоминает страшный голод и жуткое обращение с работниками. Все члены хозяйской семьи ходили с автоматами. По рассказам других работников, до их приезда хозяйка убила одного работника, поляка, который выпил кружку молока.

Сам хозяин находился в армии. На Восточном фронте. А эти трое (хозяйка, ее мать и брат хозяина – прим. авт.), обвешавшись оружием, так и ходили. Ну, это почище, чем в лагере было... Это ужас. Во-первых, очень плохо кормили. Мама стала уже опухать с голода... Варили цветную капусту. ...Может, она некачественная, или что. Нальют в тарелку или в миску, а поверху пекали... А я не брезговала, возьму ложкой, это все сгребу, и прямо на стол положу, и все выхлебать отдавала маме... Ведь хлеба не то что ... поставили и бери сколько тебе надо, а вот один... такой тоненький кусочек. Я свой кусочек отдавала маме. А хозяйка... У нее плетка ...и автомат, шмайссер. А пистолет она тут его и носила. Плюс еще заставляли меня нянчить ихнего ребенка. Должна была его катать, вот... раз споткнулась, и получила пять раз плетью... (Интервью с Мур-вой Е.А.)

Повествование о повседневном быте перемежается с описанием эпизодов, когда детская жизнь подвергалась рискам, издевательствам, граничащим с утратой жизни. При рассказе Мур-вой в ее памяти живо всплывают не только отдельные детали, поступки, но также и имена всех участников эпизода, о которых пожилой человек в нормальной ситуации давно уже мог забыть. В некоторых из наших

случаев детей отделяли от родителей и поселяли в отдельном бараке или в другом лагере, «по-видимому, с целью забора крови» (интервью с Г.М. У-вой, 1934 г.р.). Потеря семейных связей с родителями концентрирует воспоминания на чисто детских переживаниях того времени: детские страхи, жизнь в переполненных бараках на нарах в два ряда, как старшие дети помогали младшим, как делали кукол из соломы, брошенной на нары, как рисовали квадратики для игры в «классики», как всех детей барака надзиратели выводили на уборку территории (интервью Г.К. Паркой, 1936 г.р.). В детских рассказах о пребывании в лагере элиминированы крайние эмоции, мы не встретим ни радостных, ни крайне негативных переживаний. Эти рассказы скорее описательны и диссоциированы с объектом воспоминания. Само детство этих детей отмечено насильным лишением родительского дома, привычного локального контекста, помещением в иную чужеродную среду и реальным или потенциальным разрывом с родителями.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД ЖЕНЩИН НА ПРОИЗВОДСТВЕ

Женские нарративы о принудительном труде на производстве, который выпал на юный возраст от 13 до 17–18 лет, часто сконцентрированы на описаниях вокруг переживаний, связанных с тяжелыми физическими нагрузками на строительстве или на заводе, а также на попытках осмысления ситуации, зачастую сопровождаемые мифологическими построениями, назначение которых – придание собственного смысла происходящему. Одно из тематических построений нарратива – мотив «защиты других», прежде всего брата, отца, из предположения, что девушкам наказание будет мягче.

История Раисы Кр-вой (1926 г.р.) алюминиевая фабрика в Лаутаверке (под Дрезденом): “Я никак не могу вспомнить своего номера...”

Она родилась в пригороде Пскова. Оккупацию помнит скудно, родители их не выпускали, лишь иногда они ходили в кинотеатр, работы на подсобном хозяйстве было много. Отец плотничал, зарабатывал прилично, но многие немецкие заказы выполнял бесплатно, мать вела хозяйство. Накануне известия об угоне попытались спрятать имевшееся добро, одеяла, подушки, швейную машинку и прочее, закопать на участке рядом с домом. Вся улица была мобилизована на работы в Германию. Вместе с родителями и младшим братом были угнаны в Германию на работы 3 марта 1943 г. Две недели они провели в конюшнях, как в тюрьме. Затем их повезли в вагонах на запад и привезли в Лаутаверк в 60 км от Дрездена, где находился алюминиевый завод. Там они работали всей семьей, за исключением младшего трехлетнего брата, остававшегося в бараке. Раиса работала также на производстве, пока не получила серьезную травму и была переведена на более легкие работы, помнит постоянный голод и усталость.

Погрузили в товарные вагоны и закрыли. Остались только эти окна-то вверху. Ночь везут – день стоим... Вот, а когда в лагерь нас привезли, наверно, месяца через

полтора. И когда въехал наш вагон на территорию лагеря, то там были украинцы и поляки. В основном молодежь. ...Нас сразу в бараки расселили. В бараках трехъярусные кровати были, клоповники, а потом, когда нас на работу угоняли, то детей оставляли в бараке. И вот маленький братик мой оставался тоже там. Нам давали пайку хлеба. Так вот мы, мама, папа и я один кусочек съедим, а эти другие кусочки оставляли вот этому маленькому. А его там обкрадут, он остается голодный. И потом, когда пригоняют нас в лагерь с работы, с завода, он плачет голодный, есть хочет. А давали в сутки один раз баланду. Вот, в четыре часа утра нас поднимали. Идем, там столовая была, нам дают, миски были, эту баланду. А там трава шпинат и, если хорошо, попадется кусочек брюквы. И вот на целые сутки. Место это было Лаутоверк, и рядом этот алюминиевый завод. Там на этом заводе очень много людей погибло (Интервью с Кр-ой Р.С.).

Она рассказывала эмоционально ровно, складывалось ощущение, что выбрана форма рассказа, которая ее минимально травмирует, и она ее придерживается. Гораздо более охотно она отвечала на расспросы о детях, сегодняшних проблемах, жаловалась на одиночество и редкие посещения детей. Не давала прорываться эмоциям, стремилась рассказывать безлично, отстраненно. Для нее это закрытое переживание, оставшееся в прошлом. Ее форма рассказа выглядит весьма характерным примером своего рода коллективного нарратива, истории, рассказанной от лица Мы. Всей улицей угнали, везли, заставляли работать, всех же и освободили. В этом рассказе есть место общим разделенным лишениям, материальным потерям.

Кроме описания, особым видом рассказа становится смыслопорождающий нарратив, в котором «героини» рассказа занимают активную позицию, назначение которой продемонстрировать свое сопротивление обстоятельствам. По нашей гипотезе, эти рассказы имеют сложное происхождение, простимулированное той фазой наррации, которая происходила во время фильтрации в органах НКВД. Последующие рассказы уже несли на себе след этой первичной нарративной конструкции во многом самооправдательного характера.

История Александры Теб-вой (1925 г.р.): «Я ...комсомолка, думаю, что ж я тут сижу без какого-то дела»

А.А. Теб-ва (1925 г.р.) попала в трудовой лагерь под Инсбруком (Австрия), Гонфгарден с территории Смоленской области вместе с другими молодыми людьми, до этого была связной у партизан. В лагере заключенные строили дорогу, и ей пришлось вместе с другими девушками возить на тачке камки и песок (парни кололи камни).

Работали сколько могли, целый день, к вечеру только их приводили назад в лагерь. На работе никто не кормил, только потом вечером «баланду какую-то дадут». Там был очень жестокий комендант. Он бил всех. Такой злощущий был, мы так его Вазист называли, он бил по морде всех, не разбирая... Но меня он не бил. Они все-таки уважали, (тех) кто владеет языком. Ему приходилось через меня что-то говорить.

И вот был такой случай: шли на работу, ну, не евши, я встала впереди колонны, иду еле-еле. Мастер, старичок говорит: Шура, иди назад, иди, как хочешь, но пусть все другие идут быстрее. А я нет, как это так, знаю, что всех, может, еще и накажут. Пусть меня наказывают. Я специально вела всех долго-долго, нога за ногу. И он все-таки сказал этому коменданту... И вот после этого, когда я саботировала, меня вызывает этот Вазист: «Ну, вот что, чтоб это было в последний раз. Еще раз так поступишь, я отправлю в жестокий лагерь. Или в Бухенвальд, или в Дахау». Он меня не ударил. Это потому, что я с ним по-немецки объяснялась. А других бил... Но в одну ночь какую-то, я не выдержала. Я нашла там лаз, палочку нашла, подставила, вылезла и убежала. Мне было невозможно. Я ...комсомолка, думаю, что ж я тут сижу без какого-то дела... Поймали, из тюрьмы меня послали в лагерь, подземный завод, который шел на уничтожение. Там делали снаряды. Посадили меня делать дюралюминиевые пластиночки. Надо было дырки автоматиком пробивать. Он ушел, а я думаю, фиг вы воспользуетесь моими деталями. Я понемногу все сдвигаю. Я поняла, что это к самолетам детали какие-то. Он один раз углядел, мне подзатыльника. «Ты – дура?» – спрашивает меня. Опять делаю при нем правильно. А потом опять начинаю понемногу сдвигать. Думаю, шиш тебе... (Интервью с Теб-вой А.А.).

В воспоминаниях тогдашней девушки помимо темы «жертвы», вынужденной работать на физически-тяжелых работах, постепенно нарастает и затем становится центральной тема человеческого достоинства, личного сопротивления навязанным обстоятельствам – побег, саботаж. С темы тяжелого труда она переходит к теме личной готовности «прикрыть», защитить других заключенных (за счет использования своего дополнительного ресурса – знание немецкого языка). Затем – более активное сопротивление обстоятельствам – побег – наказание и попытки саботировать выполнение работы. Ее рассказ о сопротивлении обстоятельствам и побеге окрашен в идеологические тона советского менталитета – «я все-таки комсомолка», хотя она тут же добавляет, «это тот еще голод».

Если Т-ва выбирает повествовательную форму активного сопротивления, защиты своих близких, то гендерная модель «защиты своих» от большей угрозы у другой рассказчицы (Г.К. Пар-кой) принимает наоборот пассивную форму: она, наоборот старается вести себя тихо и не уходит в партизаны, чтобы не навлекать большей угрозы и подозрений на свою семью.

Я не могла уйти в партизаны, и осталась в городе, поскольку сразу бы арестовали моих родителей, а у меня уже тогда семья была под подозрением, поскольку один брат в партизанах, а другой уже был в лагере – Моглино (Интервью с Пар-кой Г.К.).

Таким образом, в биографической памяти женщин селективно всплывают рассказы, которые конструируют женскую идентичность «защитницы», заступницы, которая принимает на себя наиболее тяжелые опасности или приносит себя в жертву ради спасения близких людей. Женские воспоминания выстраиваются в логику и последовательности, чаще уходящей от хронологии, разворачивающейся в конструкции «я во взаимодействии с другими», посреднической функции.

ЖЕНЩИНЫ-ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Число советских военнопленных было огромно, оно оценивается в 5,7 мил. человек, причем к концу войны в живых из них оставалось самое большее 2,4 мил.: остальные 3,3 мил. (или 57%) умерли или погибли в плену, из них около 2 мил. — до февраля 1942 г. [Вербицкий, 2004]. К сожалению, нет статистических данных о количестве женщин среди военнопленных. В целом, как справедливо подчеркивают исследователи, официальная статистика не выделяет женщин в особую группу при подсчете военных потерь, умалчивает о количестве раненых военнообязанных женщин и т.д. [Физелер, 2005; Никонова, 2002].

История Екатерины Ш-вой (1924 г.р.) «Господи, милостливый, помоги мне!»

Е. Ш-ва из Смоленской области, из зажиточной семьи. Она одна из немногих респонденток, которая охотно рассказывала о своем детстве, отношениях с родными, размышляла о том, что дало ей силы выжить и вынести все лишения военной поры.

Что мне была семья? Во-первых, меня семья научила трудолюбию, научили терпению. Я до сих пор помню, как мама внушала, что, не видавши плохого, не увидишь хорошего, терпи, всякое в жизни бывает. Научила совестливости ...родители между собой очень ладили. Поэтому у нас в этом смысле было хорошо ..Я помню папины рассказы... (Ш-ва Е.).

После начала войны Е. Ш-ва стала медицинской сестрой, под Смоленском ее часть попадает в окружение¹, и она была этапирована в лагерь военнопленных в Сычевке. Там семнадцатилетняя девушка заболевает тифом, попадает в тифозный барак, но выживает, хотя тиф скопил многих:

Тут же рядом... даже колючей проволоки не было... этот ров, куда мертвых складывали. Когда я туда подходила...там закладывали десятую тысячу. Я была в том (тифозном — прим.авт.) бараче 13 дней. Оклемаюсь, и меня снова перевели в общий барак, мне исполнилось 18 лет. Начались холодные ночи, и вот на нары ложились все, друг к другу прижимались, закрывалась с головой, скорчившись, страшно боялась крыс. А по этому лежбищу людей крысы одна за другой. Только топаят. (Интервью с Ш-вой Е.Г.).

Вспоминая тяжелую работу на резиновой военной фабрике, Ш-ва упоминает как тяжелые моменты, так и неожиданные маленькие радости:

А потом нас какую-то часть отобрали, на машину и привезли на резиновую фабрику. И был это, скорее всего ноябрь 44-го года. Там были в основном украинцы, но очень много французов, репатриированных, поляки, из военнопленных были сербы. А

¹ В это большое окружение в районе Вязьмы и Брянска попали войска 3, 13, 16, 19, 20, 24-й и 32-й советских армии. По немецким данным, было пленено 663 тысячи человек, по советским данным — от 250 000 до 1 700 000 человек.

потом украинцы. Основная продукция для армии, какие-то резиновые кольца для техники. Вот там я работала в цеху и Клава, моя подруга. Я торопыга, ни хрена не получалось. (Смеется) Делала сплошной брак. Меня оттуда выгнали... Работали очень тяжело, цех очень тяжелый, это же электричество, воздух, сами понимаете, какой. Но работали тяжело, часов по 12. Перерыв был один, на обед. Водили нас недалеко, в тот же жилой барак, там давали какую-то баланду. Тяжело было, очень тяжело... (Интервью с Ш-вой Е.Г.).

В рассказе военнопленной Е.Г. Ш-вой ярко проявляется другой вариант подобного конструирования смысла, когда жест милосердия со стороны немки интерпретируется как божественное провидение.

Один случай был, милостивый господи. Я вольно-невольно, знаете, поверила в Бога. Уже в конце рабочего дня что-то мне было совсем плохо, думала, я не доживу до конца рабочего дня, и когда остановили конвейер... все пошли в туалет, я никуда не пошла. Я просто стала к столбу, прислонилась, понимала, что я умираю, что у меня больше нет сил. Господи, милостивый, помоги мне! Идет немка и говорит мне: я тебе бутерброд оставила, ты взяла? Да вот же, показывает, и лежит на виду этот бутерброд. Такой немецкий, маленький. Я не видела его! И вот бутерброд немножко меня поддержал. Судьба (Интервью с Ш-вой Е.Г.).

После освобождения она работала вольнонаемной в различных советских частях и вернулась в СССР только в конце 1948 г., работала на шахте, переезжала, убегая от предложения совмещать работу и доносительство. Она неоднократно в течение жизни будет привлекать внимание МГБ-КГБ, за ней будут следить. Одновременно училась, догоняя упущенное для учебы время. Окончив инженерный институт в Москве, работала в Мурманске, Новороссийске, Москве. Ее личная жизнь не сложилась. До сих пор она не смогла изжить глубокую травму, связанную с неудавшимися отношениями с одним советским офицером, еще в Германии, который покинул ее из страха испортить военную карьеру плохими «биографическими данными» будущей жены: ее пребыванием в плену и в лагере.

Рассказ Е. Ш-вой дает возможность не только в деталях (именах и цифрах) проследить событийную канву истории жизни, он полон переживаний, страшных картин, но и почти анекдотических случаев, рассказывая которые, она заливалась смехом. Эпизоды войны для нее были не только прожитым, она хотела и оценить прошлое, сравнивала периоды истории, давала оценки политическим режимам, сохраняя свой особый индивидуальный взгляд и, как ни удивительно, позитивный настрой.

ЖЕНЩИНЫ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

Биографические рассказы о принудительном труде женщин на оккупированной территории представляются весьма уникальными, поскольку на протяжении нескольких десятилетий в России об этом хранилось полное молчание, и только признание

самого факта сотрудничества с фашистскими оккупантами жестко преследовалось по закону. Поэтому одиночные нарративы о той повседневности невозможно хоть каким-либо образом обобщать, их необходимо представить как индивидуальные документы.

История В. Ков-вой, работницы скорняжной фабрики в оккупированном Пскове: «Я каждый раз, когда иду мимо, вспоминаю...».

История В.В. Ков-вой (1925 г.р.) примечательна тем, что до войны, во время войны и после войны она жила в том же городе (Пскове), и тем самым ее рассказ о работе и жизни на оккупированной территории все время перемежается довоенными и послевоенными событиями, рассказом о тех же самых людях и местах. До войны Ков-ва работала на скорняжном заводе. После оккупации города фашистами:

... повесили объявление, что всем, кто работал на кожевенном заводе, явиться на завод. ...И работали мы там. Привозили с фронта окровавленные шубы, мы кроили из них бахилы и рукавицы. Вот они (немцы) на сапоги одевают... Они на посту стоят и на сапоги надевают. Рукавицы кроили... меховые шубы, старые, с фронта, от раненых, оттуда. Все их обрабатывали. Они и кровавые были, и всякие. Один раз кормили в обед, хлеба давали по 300 грамм. Ходили со своими мисками, нам нальют по этой баланде и все. Полчаса обед и опять шли работать... Вот, были также номерки, вешали, чтобы не опаздывали, приходили вовремя и уходили обратно. Потом привозили вещи. А надсмотрщики были немцы... Один был немец в очках, суровый. Герхард его звали. Все наблюдал за нами. И обыскивали нас. Ну, а потом поставили обыскивать русскую. Привозили вещи, вот евреев расстреливали в Огулиных горах и привозили. ... У них все отбирали, расстреливали, а их – в яму. Как, мы это уже не видели. Потом привозили эти вещи, которые отобраны у них, всякие кофточки, все. Привезут машину, а нас заставляли их нести на склад. Одна женщина наложит, и мы несем. ... Вот были две сестры Амелькины, Надя, а вторую забыла, как звали. Та где-то эту кофту спрятала. Но с ней что сделали: в обеденный перерыв нас собрали всех в столовую, одну расстреляли, а вторую забрали в тюрьму. И ее из тюрьмы привезли в столовую. Столовая большая была на заводе, привезли, поставили стол. Она была одета в белые трусики, и 25 плеток дали. Вот так наклонили ее, пока у нее кровь уже пошла. Уж обедать никто не мог... Это 43-й год был...» (Интервью с Ков-вой В.В.).

Нарратив Ков-вой о труде на оккупированной территории достаточно повествовательный, обстоятельный, в нем мало эмоциональных переживаний. В ее рассказе кроме темы принудительного труда присутствуют еще две темы: массовые расстрелы евреев и связи с партизанами. Но наиболее значимым аспектом ее рассказа представляется то, что она постоянно делает вставки в свой рассказ о том, что случилось с этими же людьми и с этими географическими точками до войны или после. То есть в ткани ее рассказа переплетается прошлое и настоящее, некое драматургическое единство времени, места и действия, хотя исполнители постоянно меняют свои роли и функции.

...Родителей этой девочки, евреев, вместе со всеми расстреляли. А эту девочку она (ее знакомая) уберегла. Прятала между перинами. Так, откроет дверь немножко, чтоб она хоть воздухом подышала. Это учительница по музыке, в музыкальной школе работала. Преподавала у моего сына, когда он в эту музыкальную школу ходил ...

...Потом такой был случай. Утром убили немца. Но никого не нашли. И решили, кто первый на улицу выйдет, тех и брали, значит.... И там, где сейчас эта церковь Пароменская, сразу за мостом, — мост, который через Пскову, через Великую, — — там были деревянные дома. И там жил один судья, Дмитриев, и у него два сына. И вот один сын, Володя, вышел из дома и его забрали, и так забрали десять человек. Потом привезли 10 столбов. Привязали, и их всех расстреляли. И они расстрелянные, наверно, дня 2–3 были. Я каждый раз как прохожу, так не могу не вспомнить...» (Интервью с Ков-вой В.В.).

История Любви Тер-вой (1921 г.р.), учительницы на оккупированной территории

Ее родители умерли рано, и ее детство, как у сестры, прошло в детдоме. Тер-ва сначала оказалась в Сиверском детском доме, затем в школе-интернате. Окончила педучилище и накануне войны работала учительницей начальных классов в поселке Заполье Псковской области. В период оккупации Л. Тер-ва оставалась в том же поселке и продолжала работать учительницей младших детей. Благодаря знанию немецкого языка, ее привлекли работать переводчицей. Она сопровождала вербовщика рабочей силы для работы в Германии, ходила по домам сельчан, которых и вербовали в Германию.

Сама она от отправки в Германию смогла отговориться, сославшись на плохое здоровье. На самом деле, и это стало началом нашей беседы, ее мучили длительные обильные менструации, во время которых она была вынуждена лежать и ухаживать за собой. Еще один пример табуированной телесности, которую невероятно сложно вербализовать и предъявить как аргумент, поясняя свои действия в оккупации. До 1944 г. ей удавалось оставаться в Заполье. Затем начинается отступление немцев, они формируют обоз, набирают часть гражданского населения с собой (с ними увозят и Тер-ву) и выдвигаются на запад. Это самый неясный период в ее рассказе, который до сих пор мучает респондентку своей неоднозначностью.

В момент наступления русских ее и других учительниц погрузили в грузовую машину и поместили в середине обоза:

Нашу машину поставили в середину колонны. Ну, мы вышли как заложники, может быть, партизанов, отпугивать, что ли (Интервью с Тер-вой Л.).

Останавливались днем в лесу, двигались ночью, в машину к ним подсаживали других гражданских лиц, принцип отбора которых был неясен, хотя и она и упоминает об их роли — стирать, убирать в походе для офицеров и солдат. В ее версии, которая больше напоминает миф, комендант спасал от грядущей расправы тех, у

кого останавливался в доме. Потому что после их отъезда собрали всех жителей в колонну и за поселком, приказав рассыпаться, расстреляли в спины.

Однажды (уже после войны – прим. авт) я поехала туда, в Заполье. Я пришла к учительнице, которая тоже работала со мной в школе, и она со мной говорила как-то недружелюбно. Но я не понимала, в чем дело.

А оказывается, тогда, когда мы уехали, утром их всех собрали и погнали по дороге. Им сказали, бегите, и все побежали в разные стороны, а немцы стали стрелять. Кто не успел, как вот у нее, у этой учительницы, убили сына. Так видите, вот меня это все время гнетет, что мне-то не объяснить, что я не по собственной воле уехала, да. А ... они-то, люди, думают – сами-то ходили, предупреждали, а потом взяли и уехали. Этот самый начальник (немецкий офицер – прим. авт.) всех, у кого он останавливался, тех забирал, как бы оплачивал, он знал, что катастрофа-то потом будет после них. Я так понимаю, что их он как бы спасал от катастрофы, потому что, когда они (другие люди из машины – прим. авт.) уезжали оттуда, там тоже гнали людей и тоже так же расстреливали, понимаете. И он знал это, что после их отъезда будет катастрофа. И он как бы спасал людей, свою совесть, может быть, успокаивал или как, не знаю...

Ее мучает чувство вины и невозможность оправдаться перед упрекавшими ее людьми.

А у меня и свидетелей-то нет. Я же не могу рассказать всей деревне, что действительно получилось..., так что мы как бы предали, сами всех подготавливали, а сами уехали. Ведь как на это посмотреть, с какой стороны посмотреть, да. У себя-то остается чувство вины какое-то. Без вины виноватые мы оказались... (Интервью с Тер-вой Л.)

Везли их по Прибалтике, Латвии, Эстонии. Где-то под Тарту их отпустили, и она с тремя девушками стали пробираться домой, в Псков они попали в сентябре-октябре 1944 г.

Далее она рассказывала о послевоенном периоде. Поработать опять учительницей ей не удалось. Только она устроилась, как вышло распоряжение уволить всех учителей, которые были на оккупированной территории или в плену. Она затем работала секретаршей, инспектором по кадрам, табельщицей в автохозяйстве. Замуж вышла в 1945 г. за ветерана, инвалида войны, жестянщика и шофера по профессии. У нее было 4 беременности, двое детей умерли, перенесла гинекологическую операцию, удалили кисту и яичник. Подорванное здоровье, стигматизированное сознание, неизбывная вина.

Ей трудно оправдаться, так как рассказ содержит интимные моменты, не подлежащие публичности. И, кроме того, в этой истории представлена проблема человека, принимавшего индивидуальные решения, а не вынужденного только участвовать в коллективных действиях, за которыми можно спрятаться и предъявить нарратив от лица группы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ И ПОСЛЕВОЕННАЯ АДАПТАЦИЯ

Вышеописанные женские судьбы, несмотря на разницу военного опыта, имеют общие биографические последствия, которые повлияли на радикальные изменения их довоенных биографических траекторий. Им пришлось отказаться от любимой профессии, любимого человека, лишиться здоровья, довольствоваться теми опциями поствоенного брачного рынка (инвалиды, иногда и пьющие), которые совпадали с их собственной (в глазах окружающих) ущербностью. Общими маркерами биографической ситуации является маргинализация и стигматизация коллективного опыта бывших узников.

Массовое возвращение оstarбайтеров на родину закончилось в сентябре-октябре 1945 г. По данным псковского анкетирования, после репатриации более 75% респондентов-бывших узников столкнулись с непониманием, порой открытой неприязнью, укорами. Репрессии или стигматизация послевоенного периода – тема, о которой писал П. Полян в своей книге [Полян, 2002a], и сообщали наши рассказчицы:

...Костюгов тогда в нашем доме жил, так он и говорит, что, мол, явились! По всей Германии шастали-шастали, явились! (Интервью с Кр-вой Р.С.).

Возвращение на Родину, которого так ждали угнанные в Германию, многие из них описывают схоже с тем нарративом, который приводится Л.В. Тер-вой. Например, Е.В. Ал-вой, А.А. Теб-вой удалось избежать сексуальных домогательств со стороны советских офицеров. Некоторые предпочитали вообще не возвращаться в свои места, как это сделали мать и дочь Мур-вы. После освобождения на первом же фильтрационном пункте у них отобрали все документы, включая паспорт матери, сказали, что вернут только по их приезду в Псковскую область. Ходили разговоры, что всех будут после этого отправлять в лагеря НКВД, и они решили не возвращаться в родные места. Следующие шесть лет они скитались без документов по затерянным деревням Белоруссии, и только когда Мур-вой-младшей пришло время получать паспорт, письменно обратились за документами в родной город.

Некоторые других из наших респонденток еще долгое время состояли на учете в НКВД (история Л. Тер-вой и Е. Ш-вой), не могли устроиться на работу или продолжить учебу (Г. Уд-ва).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если от конкретных историй перейти к обобщениям на основе более широкой нарративной базы (30 интервью с угнанными на работы Германию и мужчинами, и женщинами), то анализ диапазона индивидуальных стратегий совладания или восстановления биографической целостности жизненного пути рассказчиц позволяет сформулировать следующие стратегии:

нормализация (женская биография как история замужества, смены фамилии, отягощенной фактом работы в Германии, и рождения детей плюс трудовая занятость,

мужская биография с учетом «добирания»¹ военной биографии плюс трудовая занятость),

компенсация (поиск культурных ниш занятости, которые позволяют вести постоянный диалог, не всегда напрямую, о пережитом и выбор позиции эксперта с работой в архивах, организация своего сообщества – например, общества узников, мало-летних узников, литературно-историческое творчество и др.),

гиперкомпенсация (как одна из форм переработки прошлого – смена ролей и идентификация с охранительным персонажем²),

анонимизация (классическим для сталинского СССР способом ухода от возможных репрессий – и примеры из нашей выборки это подтверждают – являлась трудовая миграция, манипуляция с документами – их утрата, подмена, утаивание фактов, умолчание, брачные стратегии).

Отдельно выделяются нарративные стратегии нормализации (совладания с травмой) в языке рассказа: фрагментация (выпускание тем детства, личной жизни), де-эмоционализация, диссоциированность с сюжетами, описывающими самые тяжелые моменты войны, умолчание.

По поводу последнего пункта, описывающего нарративные стратегии, необходимо отметить, что нарративная модель отстраненного, минимально-эмоционального описания травматического опыта расходится с моделью памяти и описания переживаний, более распространенных в женских нарративах западных стран. По-видимому, социальный контекст умолчания о массовом опыте угнанных в Германию в России способствовал де-эмоционализации пережитого опыта: женщины рассказывали о нем отстраненно, фактически как рассказ о другом человеке.

Существенный аспект проанализированных женских биографий – биографический разрыв с материнским поколением, который проявляется в том, что молодые женщины, прошедшие опыт войны/плена/лагеря и не возвращающиеся в родные деревни, вливаются в трудовую силу возрождавшегося города. Не все из них получили образование, необходимость поддерживать выживших родственников с малыми детьми в деревне, заставляла их ориентироваться в первую очередь на заработок, часть которого отсылалась родным. Их личная судьба во многом была неудачна, мало кто говорил о личном счастье, их женское здоровье было подорвано, часты выкидыши, смерти первенцев, гинекологические операции. Их избранники

¹ Имеется в виду пример отца Р. Кр-вой, которого после освобождения из лагеря забрали в армию по пути домой и тем самым дополнили его биографию армейским опытом. Аналогична и судьба Н.Д. З-ва, которого также по пути забрали в штрафбат и он, совершив геройский поступок в бою, даже дошел до Берлина, был награжден дважды, приобретая таким образом фронтовую биографию.

² Например, М. Ив-ва, работавшая сварщицей на военном заводе в Германии, после освобождения возвращается не в свою деревню, не в Псков, а списывается со своей подружкой по лагерю и уезжает на золотые прииски в Сибирь работать там охранницей. Там она охраняла заключенных, которые добывали золото.

зачастую алкоголики, инвалиды, словно своей физической маргинальностью уравнивающие с их (в женской выборке) социальной маргинальностью или собственной женской недооценкой. Как бы в ответ на эту недореализованность, они – сверхактивны в профессиональной деятельности, ударницы труда, общественницы.

Таким образом, нарратив о войне, рассказанный женщинами женщинам (woman-to-woman), приоткрывает противоречивую природу гендерного дискурса, выламывающегося из пут публичного маскулинного взгляда на войну. Слова и образы, которые находят рассказчицы для описания военного опыта, позволяют им воссоздать и частично отремонтировать биографическую целостность и встроить этот опыт в свою женскую идентичность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вербицкий Г. Г. Остарбайтеры: История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию во время Второй мировой войны. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 240 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 2466.

Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 272 с.

Никонова О. Женщины, война и “фигуры умолчания” // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). С. 282–290.

Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2002а. 978 с.

Полян П.М. Советские граждане в рейхе: сколько их было? // *Социологические исследования*. 2002b. № 5. С. 95–100.

Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 381 с.

Физелер Б. Женщины на войне: ненаписанная история // *Mascha + Nina + Katjuscha: Frauen in der Roten Armee 1941–1945*. Berlin, 2002. S. 11–12.

Шайде К. Коллективные и индивидуальные модели памяти о «Великой Отечественной войне» (1941–1945 гг.) // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 1–26.

Ehrenreich B. *Blood Rites: Origins and History of the Passions of War*. NY: Metropolitan Book, 1997. 292 p.

Fürst J. Heroes, Lovers, Victims – Partisan Girls during the Great Fatherland War: an analysis of documents from the spetsotdel of the former Komsomol Archive // *Minerva: Quarterly Report on Women and the Military*. 2000. Vol. XVIII. № 3–4. Pp. 38–75.

Goldstein J.S. *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2001. 496 p.

Nazarska G., Yavashchev S. Change in Gender Roles: The Participation of Bulgarian Women in World War II // *Women and Men at War. A Gender Perspective on World War II and its Aftermath in Central and Eastern Europe*. Maren Röger and Ruth Leiserowitz (Eds.). Osnabrück: Fibre-Verlag, 2012. Pp. 179–198.

Reading A. *The Social Inheritance of the Holocaust: Gender, Culture and Memory*. Palgrave Macmillan, 2002. 223 p.

Roeger M., Leiserowitz R. Introduction Gender and World War II in Central and Eastern Europe // *Women and Men at War. A Gender Perspective on World War II and its Aftermath in Central and Eastern Europe*. Maren Röger and Ruth Leiserowitz (Eds.). Osnabrück: Fibre-Verlag, 2012. Pp. 9–32.

Wingfield N.M., Bucur M. Introduction: Gender and War in Twentieth-Century Eastern Europe // *Gender and War in twentieth-century Eastern Europe*. Nancy M. Wingfield and Maria Bucur (Eds.). Bloomington: Indiana University Press, 2006. Pp. 1–20.

REFERENCES

Verbitsky G.G. *Ostarbaytery: Istoriya rossiyan, nasil'stvenno vyvezennykh na raboty v Germaniyu vo vremya Vtoroy mirovoy voyny* [Ostarbeiters: The History of Russians Forcibly Exported to Work in Germany during World War II]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. 240 p. (in Russian).

State archive of the Russian Federation (GARF). F. R-7021. Inv. 116. D. 246b..

Murmantseva V.S. *Sovetskiye zhenshchiny v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Soviet women in the Great Patriotic War]. M., Mysl', 1974. 272 p. (in Russian).

Nikonova O. Zhenshchiny, voyna i "figury umolchaniya" [Women, war and "figures of silence"], in *Neprikosnovennyy zapas*. 2005. № 2–3 (40–41). Pp. 282–290 (in Russian).

Polyan P.M. *Zhertvy dvukh diktatur: Zhizn', trud, unizheniye i smert' sovetskikh voyenno-plennykh i ostarbayterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of two dictatorships: Life, labor, humiliation and death of Soviet prisoners of war and ostarbeiters in a foreign land and at home]. Second edition. M.: ROSSPEN, 2002a. 978 p. (in Russian).

Polyan P.M. Sovetskiye grazhdane v reykh: skol'ko ikh bylo? [Soviet citizens in the Reich: how many were there?], in *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2002b. № 5. Pp. 95–100 (in Russian).

Rozhdestvenskaya E.Yu. *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology]. Moscow: Izdatel'skiy dom NIU VSHE, 2012. 381 p. (in Russian).

Fieseler B. Zhenshchiny na voyne: nenapisannaya istoriya [Women in War: An Unwritten History], in *Mascha + Nina + Katjuscha: Frauen in der Roten Armee 1941–1945*. Berlin, 2002. S. 11–12 (in Russian).

Shaide K. Kollektivnyye i individual'nyye modeli pamyati o "Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945)" [Collective and individual models of memory of the "Great Patriotic War" (1941–1945)], in *Ab Imperio*. 2004. №3. Pp. 1–26 (in Russian).

Ehrenreich B. *Blood Rites: Origins and History of the Passions of War*. NY: Metropolitan Book, 1997. 292 p.

Fürst J. Heroes, Lovers, Victims – Partisan Girls during the Great Fatherland War: an analysis of documents from the spetsotdel of the former Komsomol Archive, in *Minerva: Quarterly Report on Women and the Military*. 2000. Vol. XVIII. № 3–4. Pp. 38–75.

Goldstein J.S. *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2001. 496 p.

Nazarska G., Yavashchev S. Change in Gender Roles: The Participation of Bulgarian Women in World War II, in *Women and Men at War. A Gender Perspective on World War II and its Aftermath in Central and Eastern Europe*. Maren Röger and Ruth Leiserowitz (Eds.). Osnabrück: Fibre-Verlag, 2012. Pp. 179–198.

Reading A. *The Social Inheritance of the Holocaust: Gender, Culture and Memory*. Palgrave Macmillan, 2002. 223 p.

Roeger M., Leiserowitz R. Introduction Gender and World War II in Central and Eastern Europe, in *Women and Men at War. A Gender Perspective on World War II and its Aftermath in Central and Eastern Europe*. Maren Röger and Ruth Leiserowitz (Eds.). Osnabrück: Fibre-Verlag, 2012. Pp. 9–32.

Wingfield N.M., Bucur M. Introduction: Gender and War in Twentieth-Century Eastern Europe, in *Gender and War in twentieth-century Eastern Europe*. Nancy M. Wingfield and Maria Bucur (Eds.). Bloomington: Indiana University Press, 2006. Pp. 1–20.